

Восток и Запад. Художник П. Филонов. 1913

УДК 159.922.4(510)(470+571)
DOI: 10.24411/2226-7271-2018-11041

Сухарев А.В.

Китайское «экономическое чудо»: опыт сравнительного психологического анализа¹

Сухарев Александр Владимирович, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН, Москва

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-3799-8180>

E-mail: alexander-v-sukharev@j-spacetime.com, zavor753@mail.ru

Предпринята попытка научного анализа психологических причин возникновения феномена «китайского экономического чуда». Сравнительный психологический анализ развития ментальности элит русского, западноевропейского и китайского коллективных субъектов с позиций психологической этнофункциональной методологии показал, что уровень психологической зрелости китайского коллективного субъекта является более высоким по сравнению с западноевропейским, а уровень зрелости западноевропейской элиты – более высоким по сравнению с характерным для русской элиты.

Ключевые слова: китайское экономическое чудо; коллективный субъект; ментальность элиты; психологическая зрелость; этнофункциональный подход.

Внимание исследователей из разных стран мира в настоящее время все в большей мере уделяется характеру реформирования китайской экономики и общества и достигнутому при этом беспрецедентным результатам в XX–XXI вв., обозначаемым таким образным определением как «экономическое чудо»

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФ: грант РФФ на 2017–2018 гг. в рамках продолжения научного проекта № 14-18-03271 «Макропсихологический анализ социальных явлений».

(economic miracle). Данное определение принято использовать для обозначения форсировано развивающейся экономики какой-либо страны или региона в определенный период. Китайское «экономическое чудо» связывается исследователями с реализацией в этой стране органичного, системного сочетания древних национальных традиций и мировых естественнонаучно-технологических и социально-экономических достижений, которые принято обозначать как «модернизация». Обычно рассматривается экономическая, политическая, культурная, социальная и научно-технологическая модернизация.

В настоящей статье предпринята попытка историко-психологического анализа факторов в развитии *ментальности* Китая, которые обусловили это «экономическое чудо». Анализ осуществлялся с позиций т.н. *этнофункционального подхода*¹ к исследованию *коллективного субъекта* (общества)².

В *методологическом* плане мы опирались на принцип *этнофункционального единства микро- и макрокосма*, постулирующему аналогию между последовательностью и содержанием стадий (этапов) развития индивида и общества. На основе этого принципа мы могли применять *результаты психологических эмпирико-экспериментальных исследований индивида для анализа поведения коллективного субъекта*.

В процессе анализа, также применялся *сравнительный анализ исторического развития различных коллективных субъектов с позиций этнофункционального подхода*.

Одним из важнейших свойств *коллективного субъекта* является его способность к *саморефлексии*, которая далеко не всегда характеризует ту или иную социальную группу³.

Ментальность субъекта (как коллективного, так и индивидуального) с позиций этнофункционального подхода имеет слоистую структуру и включает, во-первых, подсистему его пространственных отношений, т.е. отношений к *этнотреде*⁴ и ее параметрам, существующим в настоящий момент времени. Во-вторых, в нее включена временная как подсистема представлений о собственном прошлом и будущем *развитии*⁵. В этнофункциональном подходе содержание и последовательность этапов развития отношений субъекта в различных этносредах наделяется *этнической функцией*⁶ (*этноинтегрирующей и этнодифференцирующей*).

«*Психологическая зрелость*» субъекта связывается с развитием его отдельных характеристик – эмоциональной, интеллектуальной, нравственной, социально-психологической⁷. В качестве обобщенных показателей психологической зрелости индивидуального или коллективного субъекта можно выделить способность к *саморефлексии*⁸, *гармоничность взаимодействия эмоционально-чувственных и когнитивных компонентов отношений, качество усвоения этических норм*, а также *уровень репродуктивного и креативного интеллекта*.

В историческом развитии ментальности Китая можно выделить следующие условные этапы (по времени их возникновения): шэньцзяо («вера в духов»), даосизм, конфуцианство, буддизм, синкретические культы, иностранные религии и «модернизацию». Существенно, что с позиций этнофункционального подхода указанные «этапы» однажды возникнув или включившись в ментальность Китая, более или

¹ См.: Сухарев А.В. Развитие русской ментальности. М.: Институт психологии РАН, 2017..

² Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.

³ Там же. С. 74–76.

⁴ В психологии мы рассматриваем идеальную систему представлений субъекта об этносреде, ее параметрах: природно-ландшафтных (включая фауну и флору), антропо-биологических, культурно-психологических и трансцендентных (Бог, духи природных стихий и явлений, различные трансцендентные сущности, такие как летающие тарелки, инопланетяне, религиозные сущности). Конкретный субъект развития полагается «погруженным» в этносреду и особенности ментальности коллективного или индивидуального субъекта рассматриваются как характеристики самой этносреды; т. е. ментальность рассматривается как часть этносреды, в которой развивается субъект.

⁵ Развитие в данном подходе рассматривается как возвращение к изначально заданному идеалу – «архегении». Причем, при таком «идеальном» определении развития предусматривается теоретическая и эмпирическая возможность диагностики меры приближения к данному идеалу вполне позитивистскими психологическими методами (Сухарев А.В. Указ. соч. С. 11–28).

⁶ Этническая функция характеризуется *степенью выраженности*. Наибольшей степенью выраженности этнической функции наделяются, с позиций нашей концепции, представления наиболее архаичных этапов развития субъекта: *природные и природно-анимистические*. Несколько меньшей степенью выраженности этнической функции наделяются *героические* представления. *Надэтнически-религиозные* представления наделяются *еще меньшей степенью выраженности этнической функции*, они шире природных, природно-анимистических и героических и их этническая функция существенна для целых природно-культурных ареалов этносферы. *Естественнонаучные представления*, наделяются *нулевой выраженностью этнической функции*, могут идеально объединять людей и народы. Однако без целостной интеграции субъектом предыдущих ступеней развития полноценного усвоения нравственных норм и естественнонаучных представлений невозможно (подробнее см.: Сухарев А.В. Указ. соч. С. 28–32).

⁷ Русалов В.М. Зрелость: эмоциональная, нравственная, личностная, интеллектуальная, социальная, биологическая. Единая или множественная характеристика? // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 29–47; Сергиенко Е.А. Зрелость: молярный или модулярный подход? // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 13–29; Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2007 и др.

⁸ Журавлев А.Л. Указ. соч.

менее успешно продолжали свою ассимиляцию в общее культурное пространство¹. Для европейских стран, включая Россию, можно рассматривать следующие этапы развития ментальности коллективного субъекта в различных этносредах (по времени их возникновения): природный, природно-анимистический, надэтнически-религиозный и этап Просвещения. При этом надэтнически-религиозный этап в китайской ментальности представлен не одной-двумя (христианство и мусульманство, как в Европе), а как минимум тремя религиозно-мировоззренческими учениями – даосизм, конфуцианство, буддизм.

В настоящем исследовании способность коллективного субъекта к саморефлексии фиксировалась по наличию в материалах письма *ведущих представлений*², относящихся к различным этапам его исторического развития. Отсутствие данных представлений в материалах письма, их политическое подавление, наличие антагонистических противоречий и органичной их взаимосвязи с другими компонентами ментальности рассматривались в качестве *искажений этнофункционального развития* коллективного субъекта.

Эмпирические и экспериментальные исследования на индивидуальном уровне показали, что важнейшие показатели высокого уровня психологической зрелости обусловлены *саморефлексией в ранних детских воспоминаниях архаичных этноинтегрирующих природных, природно-анимистических и надэтнически-религиозных представлений*³.

Рассмотрим на основе указанных исследований сравнение наиболее обобщенных этнофункциональных параметров развития коллективного субъекта в России, западноевропейских странах и Китае, и в первую очередь, наличие содержания в ментальности правящей элиты указанных выше представлений. Отметим, что, по сравнению с Западной Европой и Китаем, различие ментальностей элит и простого народа в России было наиболее выражено, в первую очередь, по показателям: а) приверженности власти к официальному православию и б) нарастания влияния западноевропейских представлений не только в мировоззрении, но и на бытовом уровне⁴. Власть в России как минимум с XVII в. характеризовалась относительно меньшим уровнем психологической зрелости⁵. Похоже, что вера в духов не воспрещалась для правящей элиты Китая, придерживающейся конфуцианства, как минимум в последнее тысячелетие.

Специфические особенности ментальности русской элиты

Краткие выводы и иллюстрацию специфики развития определяющей развитие общества русской элиты⁶, в процессе сравнения с развитием западноевропейской ментальности, в данной работе осуществлялась по результатам наших ранее проведенных исследований⁷. Русская элита типически характеризовалась вытеснением из ментальности данного коллективного субъекта дохристианских природно-анимистических представлений. С XIV в. древнерусское государство по примеру Византии сменило «увещательный» метод борьбы с язычеством на политическое преследование «прегрешений против веры», в которые включались проявления языческого культа, волхвование, чародейство и пр.⁸. Вследствие скрепляемого митрополичьими и княжескими ярлыками своеобразного политического «триумвирата» духовенства (митрополитов), княжеской власти и поддерживающих духовенство ордынских ханов «борьба с язычеством» получила шансы на успех. Например, в ярлыке хана Менгу-Темира митрополиту Кириллу II (ок. 1266–1267 гг.) указывается:

«Кто веру их (русских) похулит или ругается, то ничем не извинится и умрет злою смертью» и др.⁹.

По замечанию Н.М. Гальковского, в то время как «греки и римляне в течение многих веков после принятия христианства еще помнили свое старое язычество...»; на Руси «через два-три века после

¹ Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 1970; Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: НОФМО, 2008 и др.

² В качестве ведущих представлений для конкретного этапа развития общества (и по аналогии для каждой стадии развития индивида) мы рассматриваем те, которые в исторической ретроспективе могут быть выявлены как определяющие развитие на данном этапе и сыгравшие роль фундамента для наступления последующего исторического этапа. Диагностика ведущих представлений осуществляется методом этнофункциональной историко-психологической реконструкции, базирующейся на методе историко-психологической реконструкции, разработанном французской историко-психологической школой (Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1986).

³ См., напр.: Сухарев А.В., Тимохин В.В., Выдрина Е.А., Шапорева А.А. Этническая функция культурных представлений и уровень интеллекта // *Пространство и Время*. 2017. № 1 (27). С. 64–71.

⁴ Сухарев А.В. Указ. соч.; Буркгард Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. Смоленск: Русич, 2003.

⁵ Сухарев А.В. Указ. соч.

⁶ Понятия «русская ментальность» и «русская элита» для России мы использовали исходя из того, что русская культура является здесь системообразующей. Здесь и далее изложение результатов сравнительно исследования русской и западноевропейской ментальности осуществляется по монографии: Сухарев, 2017.

⁷ Сухарев А.В. Указ. соч. С. 116–358 и др.

⁸ Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества Древней Руси. Т. 1. М.: Индрик, 2000. С. 117.

⁹ Макарий (Булгаков), митрополит. История русской церкви: В 10 т. Кн. 3. М.: Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1995. С. 199–201.

князя Владимира помнили, да и то плохо, имена своих древних богов, ...»¹. Г.М. Прохоров отмечает, что в целом «русский фольклор, вплоть до Нового, если не до Новейшего времени, так и не был допущен народом в материалы письма..., в то время как в Скандинавии процесс записи песен скальдов и саг достиг своего апогея [в XIII в. – А.С.]». После XIII в. «ушла из жизни значительная часть языческих традиций, имевших наибольшее отражение в письменной литературе,... Остаткам языческой культуры на Руси золотоордынское иго причинило, кажется, более серьезный урон, чем церковной вере»². Таким образом, на Руси в допетровскую эпоху ни природно-анимистические представления, ни даже представления о природе (за исключением, по-видимому, лишь «Слова о полку Игореве») не были представлены в материалах письма. Кроме того, в допетровскую эпоху вследствие настороженного отношения церковных властей и ордынских ханов к католическому Западу сдерживалось проникновение на Русь естественнонаучной книжности как проявления «католической ереси» – кроме достаточно краткого расцвета книжности в домонгольский период в Новгороде Великом³. Начиная с XIII в. до XVIII в. не было на Руси и школьного образования (были «мастера грамоты»; грамоте, в основном для целей богослужения, и счету учили также при храмах).

В монастырской школе.
Гравюра из учебника Ф. Поликарпова. 1701

Петр I экзаменует учеников, возвратившихся из-за границы.
Художник Н.Н. Каразин. 1880-е–1890-е гг.

Внедрение в ментальность русской элиты естественнонаучных представлений и ряда других достижений эпохи Просвещения в целом была осуществлена в XVIII в. Петром Великим. Мобилизационная модернизация в естественно-технологическом аспекте была необходима для спасения России от шведской экспансии, проводимой Карлом XII⁴. Стратегическое значение имела также реформа в области образования, которая стала возможной благодаря оттеснению духовенства от руководства данным процессом. В ментальности русской элиты преследуемые духовенством природно-анимистические представления интенсивно замещались иностранными кунштами⁵, музыкой, театром и пр. Данное влияние началось еще в XVII в. во времена царя Алексея Михайловича. Характеризуя отношение к Западной Европе в русском обществе того времени, В.О. Ключевский приходит к выводу, что заимствование Россией в Западной Европе «плодов просвещения» в XV и XVI вв. являлось «общением», а «влияние» как осознание «превосходства» западноевропейской культуры и заимствование не одних только «житейских удобств», но и «самых основ житейского порядка» началось именно в XVII в.⁶ Объяснение данного явления, на наш взгляд, определяется этнофункциональными искажениями развития ментальности российской власти, сложившимися с конца XIII в. к XVII в., а именно – типическим вытеснением из ментальности русской элиты этноинтегрирующих природно-анимистических, отчасти природных представлений, а также натурфилософских представлений о живой и неживой природе (апокрифическими), расхоронившихся с каноническими трактовками⁷.

Данные искажения обусловили типическое снижение уровня психологической зрелости элиты и менее гармоничному взаимодействию эмоционально-чувственных и когнитивных компонентов отношений,

¹ Гальковский Н.М. Указ. соч. С. 130–131.

² Прохоров Г.М. Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. С. 130–131.

³ Сухарев А.В. Указ. соч. С. 116–137 и др.

⁴ Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М.: Соцэкгиз, 1958.

⁵ Куншт (нем. Kunst) – искусство, художество, мастерство, умение; кунсткамера (Kunstkammer – комната искусства) – кабинет редкостей, название различных исторических, художественных, естественнонаучных и др. коллекций редкостей и места их хранения; кунштюк (Kunststück) – ловкий прием, фокус, забавная поделка. (Прим. ред.).

⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть III. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 275–276, 281.

⁷ Естественнонаучные представления Древней Руси: Сб. статей / Ред. А.Н. Боголюбов, сост. Р.А. Симонов. М.: Наука, 1978. С. 4.

Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года в честь столетнего юбилея со дня его учреждения. Художник И.Е. Репин. Фрагмент. 1903

Охранители. Иллюстрация к «Благонамеренным речам» М.Е. Салтыкова-Щедрина из альбома А.И. Лебедева «Щедринские типы». 1880

Иллюстрация Кукрыниксов к «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина. 1939

что психологически обусловило периодическую смену импульсивно-мобилизационных этапов «консервативно-охранительными» «застоями» и отторжением творческих проявлений.

В исторических и экономических исследованиях весьма распространенным является представление о том, что российская цивилизация встала на «мобилизационный путь, тогда как западноевропейская приняла инновационное» направление¹. Н.М. Морозов пишет:

«Начиная с XVI века, под воздействием мощных импульсов Смутного времени, и далее: петровских реформ; активной внешней политики Екатерины II; восстания декабристов; войн 1812 г., 1853–1856 гг., 1877–1879 гг. и особенно событий XX века, власти периодически тратили гигантские объемы продукции с целью содержания и технологического совершенствования в первую очередь военно-промышленного комплекса страны, снижая тем самым уровень потребления основной массы населения»².

В XVIII и XIX вв. минимальное присутствие в ментальности властных сословий природно-анимистического компонента, он постепенно замещается этнодифференцирующими западноевропейскими (и не только) представлениями.

К XX в. до 1917 г. в ментальности элиты имели место относительно разобщенные подсистемы представлений: христианских, западноевропейских (включая античные), естественнонаучных. В советской ментальности поначалу были отвергнуты христианский и дохристианский компоненты. Социально-индустриальный подъем после 1917 г. был обусловлен произошедшей «ротацией кадров», в результате которой типические недостатки и достоинства дореволюционной русской элиты (отсутствие природно-анимистического компонента, официальное православие и наличие классического образования) сменились на более близкую к архаическим компонентам (и потенциально более творческую), но менее европейски образованных низов, в основном – представителей победивших во внутривластной борьбе, в понимании А.В. Пыжикова, беспоповско-старообрядческой «рабочей оппозиции»³. Но уже с конца 1950-х гг. советская система образования даже теоретически не предполагала «реанимации» природно-анимистического и христианского компонентов, а также представлений гуманитарной западноевропейской книжности.

К концу XX в. подавление этноинтегрирующей архаики и западноевропейского «гуманитарного инструментария», при склонности к мобилизационной «чрезвычайщине» и относительно низким уровнем креативности элиты, психологически обеспечило разрушение ее советской ментальности и идентичности со всеми вытекающими последствиями.

В качестве иллюстрации последствий: низкое, мягко выражаясь, качество принятия хозяйственно-экономических решений в современной России достаточно очевидно. По результатам отдельных исследований, условный «коэффициент интеллектуальности» (IQ) государственного управления России,

¹ Пахомов П.В. Детерминанты становления власти как основного субъекта русской истории // Философия и общество. 2007. № 4. С. 138; и др.

² Морозов Н.М. Мобилизационный путь развития российской цивилизации // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 177.

³ Пыжиков А.В. Грани русского раскола. М.: Древлехранилище, 2013; Он же. Пыжиков А.В. Корни сталинского большевизма. М.: Аргументы недели, 2015; Сухарев А.В. Указ. соч.

измеренный методом экспертных оценок, существенно уступает показателям других стран – Англии, Белоруссии, Франции, Казахстана, Индии, Израиля, США, Японии, Китая, Германии и Италии¹.

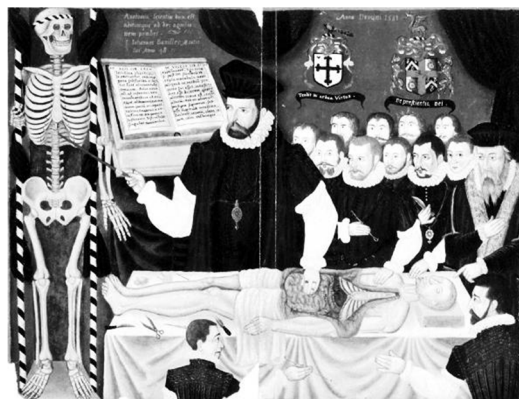
Отличительные особенности западноевропейской ментальности (по сравнению с русской)

Основные результаты сравнительного этнофункционального анализа развития ментальности русского и западноевропейского коллективных субъектов в эпоху Ренессанса ниже кратко представлены по результатам уже упомянутых выше исследований². Ментальность элиты западноевропейского коллективного субъекта по сравнению с русской отличается несравненно более высоким уровнем саморефлексии по показателю представленности дохристианских природно-анимистических и героических представлений в письменных источниках³.

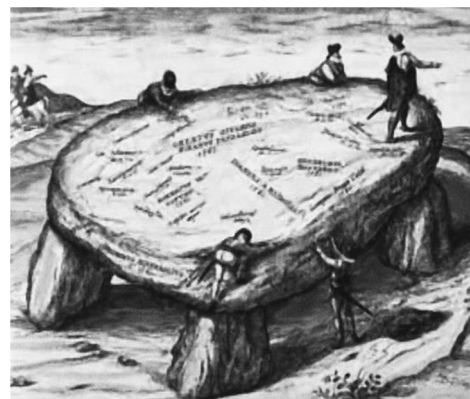
Существенным отличием западноевропейской ментальности от русской состояло в том, что в первой, как показано в исследованиях Т.Н. Джаксон, Ф. Паульсена и др., минимум с XV в. в школах и университетах наряду с религиозным образованием уже был достаточно представлен естественно-научный компонент, а начиная же с XVII в. (в Исландии с X в.) школьное обучение осуществлялось на родном живом языке (тогда как в допетровской России – на церковнославянском).

В анатомическом театре. Гравюра из медицинского трактата немецкого врача Иоханнеса де Кистама. Венеция, 1494

Джон Банистер читает лекцию по анатомии внутренних органов. Рисунок из анатомических таблиц хирурга Дж. Банистера. Ок. 1580

Экскурсия студентов к дольмену в Пуатье. Гравюра Й. Хофнагеля. Не позднее 1600 г.

В Италии в эпоху Ренессанса (а фактически с конца X в.) отношение к дохристианскому содержанию ментальности собственной этносреды становилось все более положительным (даже среди духовенства имел место интерес к античному «языческому» искусству и пр.⁴), что способствовало нарастанию степени этнофункциональной интеграции ее ментальности. По сравнению с Древней Русью политические возможности в идеологическом противостоянии со стороны как светской, так и духовной власти (Ватикана) были взаимно скомпенсированы. Еще в XII в. погружение латинских авторов в античные предания, мифы и историю вызывало в религиозной и отчасти в философской среде сопротивление, «которое, как это ни парадоксально, но и характерно, стремится говорить тем же голосом, какой оно пыталось заглушить»⁵. Это обусловило консолидацию итальянской идентичности, в равной мере как для «низов», так и для элиты, как минимум, флорентийского и венецианского коллективных субъектов⁶.

В «ренессансах» (в терминологии Э. Панофского) стран Северной Европы влияние этнодифференцирующих идей итальянского Ренессанса было «наносным», «рефлектирующим»⁷. Эти страны не были в состоянии достаточно быстро и органично усвоить этнодифференцирующие для них образы античной классической мифологии и приводившие в восторг итальянцев образы древнеримских развалин

¹ Национальная идея России: В 6 т. / Под ред. С.С. Сулакшина Т. 1. М.: Научный эксперт, 2012; Юревич А.В. Психология социальных явлений. М.: Институт психологии РАН, 2014. С. 185.

² Сухарев А.В. Указ. соч. С. 185–200.

³ Буркгардт Я. Указ. соч.; Шкунаев С.В. Герои и хранители ирландских преданий // Предания и мифы средневековой Ирландии. М.: МГУ, 1991; Скандинавская и германская мифология [Электронный ресурс] // Энциклопедия мифологии. Режим доступа: <http://godsba.ru/vikings/>; Кельтская мифология: Энциклопедия / Ред. С. Голова, А. Голова. М.: Эксмо, 2002 и др.

⁴ Варбург А. Великое переселение образов. СПб.: Азбука-классика, 2008; Буркгардт Я. Указ. соч. и др.

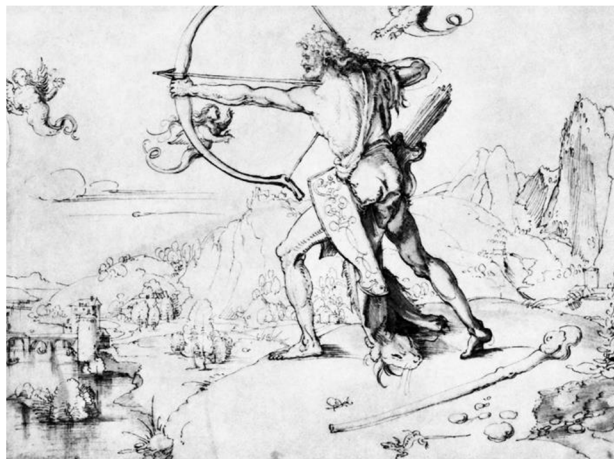
⁵ Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 142.

⁶ Буркгардт Я. Указ. соч.

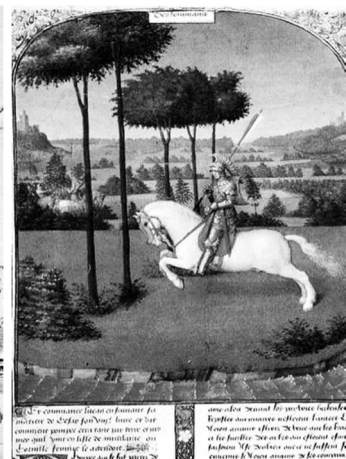
⁷ Панофский Э. Указ. соч. С. 103–104, 348

Венера и Амур. Художник
Лукас Крапах Старший.
1509

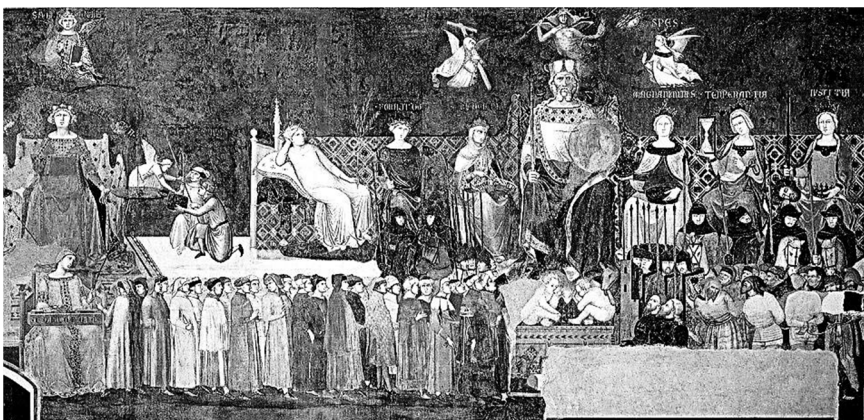
Геркулес и стимфалийские птицы.
Рисунок Альбрехта Дюрера. Ок. 1500

Бегство Помпея после битвы
при Фарсале. Миниатюра Жана
Фуке. Вторая половина XV в.

и ландшафтов¹. Дохристианская ментальность стран Северной Европы к началу эпохи Ренессанса уже длительное время взаимодействовала с христианством. В связи с римской экспансией новая волна этнодифференцирующих античных природных и мифологических образов требовала от коллективных субъектов Северной Европы дополнительных адаптационных усилий. Этнодифференцирующие образы античности обусловили обращение североευропейских стран к источнику собственной архаической этнической энергии для обеспечения их выживания и развития, а именно, – образам родной (этноинтегрирующей) природы, а также природно-анимистическим и героическим компонентам их дохристианских ментальностей. Повышение адаптационного потенциала западноевропейской ментальности, уровня психологической зрелости ее коллективного субъекта и, вследствие снижения степени катимности мышления, повышение уровня креативного интеллекта обеспечили возможность возникновения этнофункционально нейтральных (естественнонаучных) систем представлений во всех сферах жизнедеятельности. Саморефлексия и интеграция в их ментальности природных, природно-анимистических, героических и христианских представлений (школа Марсилио Фичино), психологически обеспечило, в свою очередь, возникновение и развитие такого явления как естественнонаучное теоретическое и экспериментальное познание в эпоху Просвещения².

По сравнению с ментальностью древнерусской элиты, западноевропейская ментальность эпохи Ренессанса, как показано в нашем предыдущем исследовании, обладала более консолидированной национальной идентичностью, более гармоничным взаимодействием эмоционально-чувственных и когнитивных компонентов отношений (т.е. меньшей склонностью к «чрезвычайке» и мобилизационному типу развития), а также более высоким уровнем креативного интеллекта³.

Аллегория доброго правления.
Фреска Амброджо Лоренцетти. Фрагмент. 1337–1339

Палата общин.
Английская гравюра. XVIII в.

¹ Буркгардт Я. Указ. соч.

² Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. М.: Наука, 1980; Сухарев А.В. Указ. соч.

³ Сухарев А.В. Указ. соч. С. 187–200.

Китайская ментальность

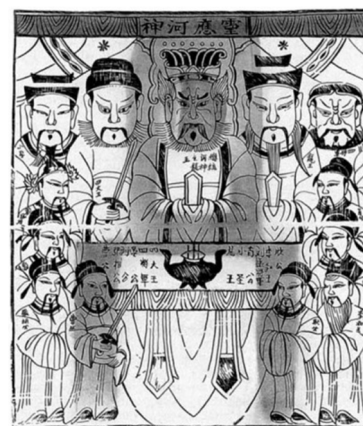
Настоящий краткий анализ развития ментальности Китая далее осуществлен крупными штрихами, выделялись лишь существенные элементы развития коллективного субъекта – природно-анимистические, природные, надэтнически-религиозные и естественнонаучные представления, а также характер их взаимодействия.

Религиозные и философско-мировоззренческие компоненты в ментальности Китая отличались плюрализмом с начала истории страны. В исследованиях отмечается синкретизм религий Китая, позволявший им мирно уживаться друг с другом и с древнейшей верой в духов, либо инкорпорированной в религиозно-философское мировосприятие, либо почитаемой в качестве древней традиции. В итоге был сформирован «единый комплекс переживаний и верований», различным образом представленный в разных социальных кругах и разных регионах Китая: исключительно конфуцианством в среде государственных чиновников и интеллектуалов, даосизмом среди лекарей, знахарей, медиумов. «Позже из Индии приходит буддизм, который стремительно утрачивает свои “индийские” самостоятельные черты и по сути становятся еще одним китайским учением»¹ – буддизм становится наиболее распространенной религией в Китае с момента его появления в этой стране в I в. н.э., однако конфуцианство было и остается главной культурообразующей компонентой образованных слоев общества вплоть до настоящего времени.

В то же время ни буддизм, ни конфуцианство не вытеснили древние китайские народные верования – поклонение мифологическим персонажам, местным божествам, духам, героям и предкам². Причем на протяжении всей истории Китая за исключением краткого периода «культурной революции» данные верования не преследовались, а меры притеснения не достигали на практике целей радикального преодоления инакомыслия.

Противостояние диша, злых духов 72-х звезд, оказывающих злотворное влияние, и тяньган, 36-ти добрых духов звезд Большой Медведицы. Китайский лубок. Конец XIX в.

Духи и божества рек. Китайский лубок. Конец XIX – начало XX вв.

Ритуал почитания предков в XIX в. и в наши дни (фото справа с сайта <http://qjessayukqn.frieslandvakantiebungalow.info/ancestor-worship-1.html>)

Огромную роль в сохранении и развитии религиозных традиций сыграло развитие книгопечатания в эпоху Сун (960–1279 гг.) (показатель саморефлексии) в результате которого каждый грамотный желающий мог за относительно небольшие деньги приобрести в лавке священные тексты, которые до того переписывались от руки, стоили очень дорого и распространение которых сдерживалось

¹ В шэньцзяо (веру в духов) иногда включают и даосизм (см.: Маслов А.А. Китай: укрощение драконов. М: Алетея, Новый Акрополь, 2006. С. 22).

² Васильев Л.С. Указ. соч.

«Разрушим старый мир и построим новый». Плакат периода «культурной революции», 1966 г. Китайский рабочий крушит христианский крест, статую Будды и китайский классический текст

также по религиозным соображениям¹.

С приходом к власти в 1949 г. коммунистической партии атеизм стал официальной идеологией Китая; религии рассматривались как нечто, отживающее свой век, а христианство понималось как идеологический инструмент Запада. Долгое время руководители КПК называли себя атеистами. После 1949 г. религии были существенно «оттеснены от власти». Например, земельные владения буддийских монастырей были конфискованы, а большая часть монахов и монахинь возвращена в мир. При этом китайским буддистам была гарантирована свобода вероисповедания. Потеснивший было конфуцианство буддизм в современной КНР оказался теперь дальше от власти не только по сравнению с конфуцианством, но и с даосизмом. С 1989 г. была разрешена свобода вероисповедания для членов КПК. При этом, отмечает А.В. Виноградов, «КПК была близка фундаментальным, даосско-буддийским слоям культуры, которые только и смогли объединиться с “прогрессивным западным символом” – социализмом, также выросшими из общины»².

В период «культурной революции» с 1968 по 1978 гг. гонениям подверглись уже не только относительно чуждые христианство и ислам. Были разрушены и многие традиционные буддийские и даосские религиозные памятники. Но в 1980-х гг. в процессе реформ были предоставлены определённые религиозные свободы, а буддизм и даосизм стали официально поддерживаться в

качестве неотъемлемых элементов китайской культуры.

Среди простых людей в Китае, по сравнению с элитой, могли в большем объеме сохраняться и возникать те или иные верования и практики: большая часть китайцев обладала своим собственным сложным комплексом верований, сверхъестественных существ, который с трудом поддавался хотя бы описанию. Таковые верования могли быть даже весьма предосудительными с позиций, например, конфуцианства. В зависимости от местной культуры, где проживали те или иные социальные группы, китайцы, как правило, лишь эпизодически обращались к буддийским и даосским служителям. В условиях современной тотальной секуляризации и кризиса религиозной ментальности в мире в Китае многие элементы традиционной религиозной системы продемонстрировали удивительную устойчивость и, похоже, имеют тенденцию сохраняться в обозримой исторической перспективе³.

Достаточно серьезные социологические исследования (2012 г.), как отмечает К.М. Тертицкий, показывают, что в современном Китае около 90% населения считали себя не придерживающимися каких либо религиозных верований, около 7% относят себя к буддистам, около 2% – к протестантам, 0,5% к даосам и 0,9% не придерживаются никаких верований. Однако более углубленные исследования, осуществленные на Тайване, показали, что из приблизительно того же процента обследованных 60% верят в существование т.н. «божеств» (например, божеств различных профессий, мест в жилище, природных явлений, элементов ландшафта и пр.), 70% выполняют традиционные религиозные обряды поклонения божествам и лишь около 6% считают себя убежденными атеистами. Причем многие китайцы считают для себя возможным одновременно посещение самых различных храмов, не говоря уже о почитании духов (шэнь)⁴.

Современное отношение к религии со стороны КПК, за исключением достаточно краткого периода «культурной революции», является весьма гибким⁵.

Китайское «экономическое чудо», начавшееся в 80-е годы XX в., явилось следующим этапом и продолжением политики модернизации, в которой существенную роль сыграла социальная модернизация на основе главенства марксистской идеологии⁶. По существу именно марксизм с его политэкономическими законами и идеей социальной справедливости стал связующей нитью для китайской и западноевропейской ментальности в сфере социальных отношений.

В современной системе образования страны «связь времен» в развитии и интеграции ментальности Китая обеспечивает ей стратегическую перспективу. В целом данная система ориентируется на учение

¹ Тертицкий К.М. Китайские религии: от говорящих лисиц до храмов председателя Мао [Электронный ресурс] // Портал Богослов.Ru. Центр информационных технологий Московской духовной академии Русской Православной Церкви. 2016. 9 дек. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/5154859/index.htm>. Напомним для сравнения, что книгопечатание в Европе возникло в XV в. В России книгопечатание исключительно православных текстов началось в XVI в.; отдельные апокрифы начали печататься лишь с середины XVII в.

² Виноградов А.В. Указ. соч. С. 153.

³ Тертицкий К.М. Указ. соч.

⁴ Там же.

⁵ Тертицкий К.М. Китайские синкретические религии в XX в. Автореф. дисс. ... д. ист. н. М., 2001.

⁶ Виноградов А.В. Указ. соч.

Конфуция (VI–V вв. до н.э.) и на сбалансированное сочетание этнопедагогики (в дошкольном возрасте) и естественнонаучных представлений, представлений об «общем благе» и других представлений, связанных с модернизацией (в более старшем возрасте)¹.

Важным этапом становления «экономического чуда» стала модернизация в научно-технологической сфере. С позиций многих исследователей модернизация в Китае представляла собой достаточно длительный процесс, в

Сочетание традиционных этнокультурных и новационных научно-технических элементов в китайских плакатах 1962–1985 гг., адресованных детям и направленных на пропаганду развития космонавтики

котором выделяются определенные этапы начиная с 1840 г. – вследствие поражения в опиумных войнах. Национальная идентичность страны была ущемлена – с этого момента Китай перестал быть «срединной державой» и «центром мира», и его интересы подавлялись в угоду иностранным державам. Основанное на древних традициях и стремлении к духовному совершенству, его могущество оказалось подавлено материально-техническим превосходством Запада, занимавшим в китайской иерархии ценностей далеко не первое место. Именно это обстоятельство оказало решающее воздействие на умы традиционного Китая, исторически ориентированного на приоритет этических и духовных норм². При этом «чувство культурного превосходства было мощным стимулом для протеста против западной экспансии»³.

Путь Китая, считает профессор Хуан Пин, *не повторяет никакую другую известную модель, его развитие с начала реформ уникально*. При этом цементирующим фактором в развитии Китая является то, что, несмотря на «вестернизацию», традиции предков в обществе не исчезают⁴.

Дж. Рамо обозначил китайскую модель развития как «пекинский консенсус», для которого характерны: инновационный путь развития, обеспечение качества и сбалансированности развития, сохранение в обществе базы социального равенства и национальной самобытности. При этом основной целью реформ являются социальные перемены, улучшение жизни населения, никаких лозунгов и призывов жертвенного характера; постепенные качественные позитивные достижения. Рамо утверждает, что «китайская модель» *прокладывает дорогу и для других народов, предполагающую не только их развитие, но при сохранении собственной полной независимости возможность вписаться в мировой порядок*⁵.

Обсуждение результатов и выводы

По сравнению с Западной Европой Китай, хотя и не продемонстрировал в XX–XXI вв. рождения самобытной естественнонаучной школы, по сравнению с Западной Европой, но продемонстрировал уникальный пример относительно быстрого, по сравнению с Россией, и органичного включения в ментальность этнофункционально нейтральных научных достижений. Органичность включения модернизационных естественнонаучных представлений в китайскую ментальность мы видим, с одной стороны, в обосновании необходимости данных представлений коллективным субъектом элиты с позиций различных толкований конфуцианских доктрин и, с другой стороны, в отсутствии антагонистических противоречий между модернизационными естественнонаучными представлениями и природно-анимистическими представлениями народной религии шэньцзяо. Вера в духов природы, предков и пр. (шэньцзяо), вместе с тем, не противоречила религии власти, хотя, по-видимому, идеология элит была менее синкретична.

Дело в том, что сближение и взаимовлияние даосизма, конфуцианства и буддизма вело к созданию системы религиозного синкретизма. Началу данной системы положил конфуцианец Ван Тун (конец VI – начало VII вв.), которому принадлежит концепция единства трех учений. Помимо наличия обобщенных космологических построений, в процессе единения данных учений конфуцианство преобладало в области этики. В области бытовой веры в духов и магических обрядов преобладал даосизм, а в заботе о

¹ Цао Ян. Этнопедагогические традиции и их использование в образовательной практике Китая: Автореф. дисс. ... к. пед. н. М., 2006.

² Виноградов А.В. Указ. соч. С. 99–313.

³ Там же. С. 115.

⁴ Хасбулатов Р.И. Мировая экономика: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2015.

⁵ Рамо Дж. Пекинский консенсус как согласие наций [Электронный ресурс] // Русский журнал. 2009. № 49. С. 12–13. ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Режим доступа: http://www.intelpros.ru/pdf/Rus_Journal/49/10.pdf.

спасении души, ее пребывании в потустороннем мире и т.п. преобладал буддизм. Тем не менее, все три учения дожили до настоящего времени как мирно сосуществующие, но различные доктрины¹.

Власть в Китае придерживалась конфуцианской идеологии («шэньши» – ученые государственные чиновники), образованные монахи исповедовали буддизм, а даосизм поддерживали и развивали даосские проповедники, лекари, алхимики. Существенно, что для простых китайцев различия между тремя религиями были минимальны. В «народной религии» при необходимости использовались поклонение духам, богам – уровень синкретизма был очень высоким. Данная «синкретическая религия» характеризовалась тем, что а) все верования в рамках новой системы продолжали свое существование; б) данная система охватила практически всю духовную жизнь Китая, и ни один из культов не был обязательным для всех.

Существенно, что, в отличие от стран Западной Европы и России, религии и религиозные секты Китая преследовались лишь в тех случаях, если их деятельность имела отчетливые политические цели. Синкретическая религия пронизывала ментальность Китая на протяжении всего последнего тысячелетия, включая современность².

В Китае разные религии были относительно органично взаимосвязаны на протяжении длительного исторического периода. Коллективный субъект его элиты оказался, сравнительно даже с Западной Европой, не говоря уже о России, психологически более готовым к органичному усвоению «модернизирующих» естественнонаучных и социально-экономических представлений. Данная психологическая готовность китайского коллективного субъекта с позиций этнофункциональной теории и на основе результатов экспериментальных исследований на индивидуальном уровне обеспечивалась именно сохранностью и распространенностью не только среди простого народа, но и в ментальности элиты природно-анимистических представлений, играющих, в частности, важнейшую роль в формировании креативного интеллекта³. По сравнению с другими субъектами, этноинтегрирующие природные и природно-анимистические представления с древнейших времен уживались и органично вплетались в ткань надэтнически-религиозных представлений даосизма, конфуцианства, и буддизма, чему, по видимому, способствовало и относительно раннее развитие и распространение книгопечатания и доступности религиозных текстов среди грамотных слоев населения. Данное сочетание обеспечило наиболее высокий уровень психологической зрелости коллективного субъекта китайской элиты, среди сравниваемых в данной статье. Наши экспериментально-психологические исследования на индивидуальном уровне, а также сравнительные историко-психологические исследования позволяют предполагать, что данный субъект может характеризоваться наибольшей готовностью к эволюционному типу развития, ориентацией на нравственные идеалы и креативным интеллектом. Внешний вызов – противостояние Западу – позволил активировать психологический потенциал китайского коллективного субъекта (и элиты – в первую очередь) в процессе относительно органичного усвоения (по сравнению с ментальностью русской элиты) естественнонаучных и других модернизационных представлений. Психологическая готовность китайской элиты заключалась в наличии у нее «креативных способностей», в частности, способности делать правильные выводы из совершенных ошибок. Данные способности, как показано в наших экспериментальных исследованиях, могли сформироваться у китайской элиты вследствие отсутствия политических преследований за веру в духов и природно-анимистические представления⁴. Похоже, что в современной внутренней и внешней политике Китая демонстрирует сравнительно оптимальное политическое и социально-экономическое поведение.

Коллективный субъект западноевропейских стран по показателю саморефлексии природных и природно-анимистических представлений, несколько уступает Китаю (по давности и объему их наличия в материалах письма). Взаимосвязь архаических и надэтнических христианских представлений рефлексировалась, подчас, затруднительно (имели место относительные искажения развития) и лишь сбалансированность политического влияния Ватикана и светской власти сдерживало подавление этноинтегрирующих архаических импульсов в разных странах, что и создало условия для сохранения архаических представлений в текстах и умах. В то же время по показателю наличия в материалах письма природно-анимистических представлений русский коллективный субъект, мягко говоря, сильно отличается от западноевропейского и, тем более, от китайского.

В свою очередь, по показателям качества и скорости реализации государственных и социокультурных решений, их нравственной направленности и пр. коллективный субъект западноевропейской элиты уступает китайскому, но, очевидно, существенно превосходит субъекта русской элиты.

¹ Суровягин С.П. Конфуцианство: мораль и религия [Электронный ресурс] // VIDYĀ. 2018. 1 марта. Режим доступа: <https://vidya613.wordpress.com/2018/01/03/конфуцианство-мораль-и-религия/>.

² Там же.

³ См.: Сухарев А.В., Тимохин В.В., Выдрин Е.А., Шапорева А.А. Указ. соч. и др.

⁴ Там же.

На основании приведенного выше краткого сравнительного историко-психологического анализа можно предположить, что по показателям креативности, социально-нравственной сбалансированности и психологического адаптационного потенциала китайский коллективный субъект обладает наивысшим политико-экономическим и гуманитарным потенциалом в современном мире. Несмотря на некоторые пессимистические экономические и политические прогнозы, проведенный краткий анализ позволяет предположить, что внутренний приоритет развития остается за коллективным субъектом с максимальным психологическим потенциалом, т.е. за Китаем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX вв.): Автореф. дисс. ... д. ист. н. Екатеринбург, 2007.
2. Бергер Я.М. Перспективы политической реформы в современном Китае [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2008. №3 (42). С. 8–27. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2008/3/perspektivy-politicheskoy-reformy-v-sovremennom-kitae>.
3. Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1986.
4. Буркгард Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. Смоленск: Русич, 2003.
5. Варбург А. Великое переселение образов. СПб.: Азбука-классика, 2008.
6. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 1970.
7. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: НОФМО, 2008.
8. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества Древней Руси. Т. 1. М.: Индрик, 2000.
9. Гайденок П.П. Эволюция понятия науки. М.: Наука, 1980.
10. Естественнонаучные представления Древней Руси: Сб. статей / Ред. А.Н. Боголюбов, сост. Р.А. Симонов. М.: Наука, 1978.
11. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
12. Кельтская мифология: Энциклопедия / Ред. С. Голова, А. Голов. М.: Эксмо, 2002.
13. Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть III. М.: Соцэкгиз, 1937.
14. Макарий (Булгаков), митрополит. История русской церкви: В 10 т. Кн. 3. М.: Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1995.
15. Маслов А.А. Китай: укрощение драконов. М.: Алетея, Новый Акрополь, 2006.
16. Морозов Н.М. Мобилизационный путь развития российской цивилизации // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 175–184.
17. Морозов Н.М. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. в отечественной историографии: Дисс. ... д. ист. н. Кемерово, 2014.
18. Национальная идея России / Под ред. С.С. Сулакшина: В 6 т. Т. 1. М.: Научный эксперт, 2012.
19. Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. СПб.: Азбука-классика, 2006.
20. Пахомов П.В. Детерминанты становления власти как основного субъекта русской истории // Философия и общество. 2007. № 4. С. 131–141.
21. Пенник Н., Джонс П. История языческой Европы. СПб.: Евразия, 2000.
22. Прохоров Г.М. Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010.
23. Пыжиков А.В. Грани русского раскола. М.: Древлехранилище, 2013.
24. Пыжиков А.В. Корни сталинского большевизма. М.: Аргументы недели, 2015.
25. Рамо Дж. Пекинский консенсус как согласие наций [Электронный ресурс] // Русский журнал. 2009. № 49. С. 12–13. ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Режим доступа: http://www.intelpros.ru/pdf/Rus_Journal/49/10.pdf
26. Русалов В.М. Зрелость: эмоциональная, нравственная, личностная, интеллектуальная, социальная, биологическая. Единая или множественная характеристика? // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 29–47.
27. Сергиенко Е.А. Зрелость: молярный или модулярный подход? // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 13–29.
28. Скандинавская и германская мифология [Электронный ресурс] // Энциклопедия мифологии. Режим доступа: <http://godsbay.ru/vikings/>.
29. Суровягин С.П. Конфуцианство: мораль и религия [Электронный ресурс] // VIDYA. 2018. 1 марта. Режим доступа: <https://vidya613.wordpress.com/2018/01/03/конфуцианство-мораль-и-религия/>.
30. Сухарев А.В. Развитие русской ментальности. М.: Институт психологии РАН, 2017.
31. Сухарев А.В., Тимохин В.В., Выдрин Е.А., Шапорев А.А. Этническая функция культурных представлений и уровень интеллекта // Пространство и Время. 2017. № 1 (27). С. 64–71.
32. Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М.: Соцэкгиз, 1958.
33. Тертицкий К.М. Китайские синкретические религии в XX в. Автореф. дисс. ... д. ист. н. М., 2001.
34. Тертицкий К.М. Китайские религии: от говорящих лисич до храмов председателя Мао [Электронный ресурс] // Портал Богослов.Ru. Центр информационных технологий Московской духовной академии Русской Православной Церкви. 2016. 9 дек. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/5154859/index.html>.
35. Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2007.
36. Хасбулатов Р.И. Мировая экономика: Учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2015.
37. Цао Ян. Этнопедагогические традиции и их использование в образовательной практике Китая: Автореф. дисс. ... к.пед.н. М., 2006.
38. Шкунаев С.В. Герои и хранители ирландских преданий // Предания и мифы средневековой Ирландии. М.: МГУ, 1991. С. 5–30.
39. Юревич А.В. Психология социальных явлений. М.: Институт психологии РАН, 2014.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Сухарев, А. В. Китайское «экономическое чудо»: опыт сравнительного психологического анализа / А.В. Сухарев // Пространство и Время. — 2018. — № 1—2(31—32). — С. 76—87. Стационарный сетевой адрес 2226-7271prov_r_st1_2-31_32.2018.41. DOI: 10.24411/2226-7271-2018-11041.